

УДК 821.161.1Шолохов(091):[378+373]

ББК 83.3(2Рос=Рус)6:74.58+83.3(2Рос=Рус)6:74.2

В.Н. Жукова

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ШОЛОХОВА В ВЫСШЕЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ (1-я часть)

В изучении Шолохова в высшей и средней школе автор выделяет несколько периодов, которые соотношены с изменением общественно-политической обстановки в стране, с особенностями развития шолоховедения, с новыми подходами к системе высшего и среднего образования. В процессе исследования менялась структура изложения, направленная к выработке жанрового своеобразия, отвечающего энциклопедическим требованиям.

Читателю предлагается один из вариантов статьи, работа над которой продолжается.

Ключевые слова: *Шолохов, образование, литературоведение, восприятие, анализ, интерпретация, изучение в школе и вузе, программы, учебники.*

Жукова Валентина Николаевна – докт. пед. наук, профессор кафедры литературы и методики преподавания Педагогического института Южного федерального университета
Тел.: (863) 240-45-38
E-mail: sholohov-don@mail.ru

© В.Н. Жукова, 2010 г.

На различных этапах развития нашей страны менялось отношение к творчеству М.А.Шолохова, что находило отражение в программах и учебниках для средней и высшей школы.

Библиографии по школьным и вузовским программам и учебникам, которая помогла бы проследить строгую последовательность введения в учебный процесс средней и высшей школы изучения жизни и творчества М.А. Шолохова, нам найти не удалось. Такую роль с момента первых публикаций писателя по год выхода выполняет работа Ф.А. Абрамова и В.В. Гуры «М.А. Шолохов. Семинарий» (Л., 1958), которую авторы справедливо рассматривают как «первую попытку подведения итогов и определения задач изучения творчества Шолохова» (с. 3). По словам Абрамова и Гуры, их работа «обобщает опыт ведения семинария по Шолохову в Ленинградском университете и Вологодском пединституте и представляет собой учебное пособие для студентов и аспирантов филологических факультетов. Авторы пытались также удовлетворить запросы преподавателей и исследователей советской литературы.

Назначение книги — организовать работу изучающих творчество Шолохова, предоставить в их распоряжение весь необходимый справочно-библиографический материал и наметить пути дальнейшего исследования творчества писателя» [Абрамов, Гура, с. 3]. С поставленными целями авторы справились: в «Семинарии» отражены точки зрения литературоведов на творчество М.А. Шолохова с 1923 по 1957 г.

Подробно остановимся на первых школьных и вузовских учебниках, поскольку высказанные в них взгляды на личность и творчество М.А.Шолохова (при наличии единой программы, следовательно, и единого учебника) сохранялись достаточно долго, корректируясь в связи с появлением новых произведений писателя или пересмотром позиций в литературоведении.

Впервые глава о жизни и творчестве автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины» публикуется в школьном учебнике Л.М. Поляк и Е.Б. Тагера («Современная литература: учебник для 10 кл. средней школы»; 2-е изд., испр. М., 1935).

Общее направление систематического изучения литературы в школе в эти годы определялось постановлением ЦК ВКП (б) «О начальной и средней школе» от 5 сентября 1931 г. Литература с этого года стала одним из важнейших предметов школьного курса. Главной целью провозглашалось воспитание в духе преданности политике партии, проводившей коллективизацию, индустриализацию, уничтожение враждебных сил. Этим определялись содержание и структура изучения Шолохова в учебнике Поляк и Тагера.

Называя М.А. Шолохова «одним из популярнейших советских писателей нашего времени», авторы невысоко оценивают сборники «Донские рассказы» и «Лазоревая степь»: «Ценность ранних, еще несколько наивных произведений Шолохова в отдельных удачных описаниях быта, а также в классово направленной этих рассказов, в той ненависти к кулакам – эксплуататорам, помещикам, белым офицерам, которая их пронизывает». Шолохова упрекают в том, что он даёт описание только двух крайних борющихся сил донского казачества – кулацкой верхушки и бедняков. Промежуточные, колеблющиеся слои оставлены в стороне. Передовые представители бедняцкой деревни, «борющиеся еще в одиночку», «показаны в значительной степени примитивно и поверхностно» [Поляк, Тагер, с. 250–251].

Роман «Тихий Дон» (к моменту выхода учебника Л.М. Поляк и Е.Б. Тагера были опубликованы I – III книги) назван монументальным произведением широкого исторического охвата. Утверждение, что в нем «Шолохов развертывает сложный и извилистый путь перехода основных масс трудового казачества к советской власти» [с. 251], представляется недостаточно обоснованным. Тем более что последующие утверждения искажают позицию писателя: «Красочно, со всеми мельчайшими бытовыми подробностями рисуя эту «полнокровную» жизнь обитателей куреней, с их горестями и радостями, Шолохов обнажает всю дикость и косность казацкого собственнического уклада. Мастерски воспроизводит Шолохов этот звериный быт» [Там же]. Путь сомнений и поисков Григория Мелехова изображен Шолоховым, как путь от «своего, казачьего» «к большой человеческой правде». «Но в основном его отношение к красным определяется непреодоленными национально-сословными традициями, тесно связанными с собственническими устремлениями, тягой «к земле», к своему

хозяйству... Перед нами решительный и ожесточенный враг красных, борющийся «за кусок хлеба, за долю земли, за право на жизнь», за «тучную донскую казацкой кровью политую землю» [с. 252–253]. Вывод авторов: «Таким образом, Шолохов в лице Григория создал образ типичного казака-середняка – со всеми свойственными ему колебаниями и шатаниями, осложненными вековыми сословными традициями, идеями казацкого единства» [с. 253]

В показе представителей зажиточного станичного казачества особое внимание обращается в учебнике на их отрицательную характеристику: старик Мелехов в третьей книге обрисован как «жадный стяжатель, собственник-накопитель», раскрыта «кулацкая сущность жадного старика Коршунова», «постепенно вырастает перед нами образ крепкого казака Петра Мелехова, этого законченного белогвардейца». Авторы считают, что в первой и второй книгах романа «Тихий Дон» менее удалась образы партийцев, добавляя, что в третьей книге этот недостаток преодолен (Штокман, Мишка Кошевой).

Отмечено мастерство пейзажей Шолохова, играющих роль фона, символа, предсказывающего жизненные события, обрамления или предвещения смертельных схваток врагов. В первом учебнике для школьников обращено внимание на смысл названия романа, в котором противостоят гармония, тишина природного и бурные проявления социального. Система образов, проблематика, структура романа даже не обозначены.

Школьные и вузовские программы основное внимание в эти годы обращали на роман «Поднятая целина». В учебнике Поляк и Тагера он подробно анализируется по следующим вопросам: «Тематика и композиция», «Система образов», «Особенности художественного мастерства». Силу и значение шолоховского романа «Поднятая целина» авторы учебника видят в том, что он «убедительно показывает, что в реконструктивный период основная масса казачества решительно рвет со своим прошлым и окончательно становится на путь социалистического строительства» [с. 255]. В статье пересказаны основные события романа: «приезд рабочего Путиловского завода, двадцатипяти тысячника Давыдова, запись в колхоз, обобществление и массовый убой скота, выселение кулаков и конфискация их имущества, подготовка кулаками в союзе с белогвардейцами контрреволюционного восстания, левацкие перегибы в руководстве Нагульнова, сбор и расхищение семфонда и связанные с этим волнения...» [Там же]. Пересказ содержания на долгие годы станет едва ли не главным недостатком школьных учебников, отвращая учеников от чтения художественных текстов.

Сюжетобразующими моментами в «Поднятой целине» авторы считают важнейшие политические события, сложные социальные отношения, борьбу социальных сил.

В системе образов романа выделены середняк Кондрат Майданников, активисты-бедняки, «новые люди» Демка Ушаков, Любиш-

кин. Демид Молчун рассматривается как представитель наиболее отсталых бедняцких слоев, «которые с трудом поддаются перевоспитанию в колхозе». Тимофей Борщев, Хопров названы «бедняками-подкулачниками». Яков Лукич Островнов отнесен к «сложному типу кулака-вредителя». Любопытно, что его дальнейшая судьба авторам учебника представлялась неясной, поскольку в его образе «затушевывается активно-контрреволюционная сущность кулачества» [с. 258].

Изображение коммунистов в романе охарактеризовано как правдивое, полнокровное, убедительное: «Каждый из них – это типичная фигура, данная в конкретной исторической обстановке» [Там же]. Полно и сочувственно охарактеризован Нагульнов, хоть и назван он «типичным левым загибщиком», каждый поступок которого «вытекает из общего склада его характера, формировавшегося сначала в партизанских боях, а затем в обстановке мирного строительства». В поведении Разметнова подчеркнуты черты слабости, по мнению авторов, он «в самый острый момент ликвидации кулаков пугается трудностей борьбы и поддается гуманистическим настроениям. Шолохов успешно разоблачает эти настроения Разметнова с помощью резкой, взволнованной речи Давыдова, убедительно раскрывающей классовую вредность гуманизма по отношению к кулакам...

Беспощадную борьбу против гуманизма, выгодного только врагам, тормозящего окончательное освобождение человека от пут старого мира, ведет Шолохов в «Поднятой целине», — достаточно двусмысленно заключают авторы учебника [с. 259].

Давыдов, по мнению Поляк и Тагера, олицетворяет в романе стальную волю партии, рисуется в первой книге «как цельный, монолитный образ, чуждый идейных шатаний, колебаний» [с. 259].

Враги (Половцев, Лятевский), считают авторы, уступают в художественном изображении положительным героям, а женщины (Марина, Лушка) «так же, как и героини «Тихого Дона», показаны почти исключительно со стороны биологической» [с. 260]. «Образ передовой женщины-колхозницы в первой части романа отсутствует» [Там же].

К особенностям художественного мастерства Шолохова авторы относят юмористическую струю, «которая остро ощущается в наиболее драматических местах романа»; мастерство пейзажа; выразительность, образность языка, употребление сравнений и иных тропов, взятых из мира природы, животных, из крестьянского быта. Однако указываются и языковые слабости: штампы, протокольные фразы, что «не умаляет достоинств шолоховского языка, доступного и понятного широким читательским массам» [с. 262].

Таким образом, в учебнике Л.М. Поляк и Е.Б. Тагера, впервые, согласно школьной программе, включившей тему «М.А. Шолохов», нашли отражение литературные оценки произведений писателя и его личности, господствовавшие в то время в науке и представлявшие собою позиции различных критиков. С одной стороны, определяя Шолохова как одного из популярнейших советских писателей современности,

критики оценивают отображение жизни и быта донского казачества на различных исторических этапах как реалистически сочное и полное. Подчеркивается «глубокое знание быта и нравов описываемой среды». Отмечается многообразие функций пейзажа, портретное мастерство, яркий и выразительный авторский язык.

В то же время в оценках изображенного преобладают рапповские суждения: цель создания романа «Тихий Дон» видится авторам в изображении, «как классовое самосознание постепенно вытесняет словесные традиции»; а романа «Поднятая целина» — в разоблачении «вредности либерально-буржуазного гуманизма»; Григорий Мелехов определяется как «образ типичного казака-средняка», которого жизнь приводит «в конце концов к полному тупику, безысходности, к моральному разложению» [с. 253]. Противопоставляется роману «Тихий Дон» «наиболее зрелое, художественно-законченное произведение Шолохова — «Поднятая целина», поставившее его в ряды лучших советских писателей, выражающих идеологию передовых слоев пролетариата» [с. 255]. Называя Шолохова одним «из лучших бытописателей Дона», авторы учебника относят «Поднятую целину» «к лучшим образцам искусства социалистического реализма» [с. 262].

Дальнейшее исследование творчества М.А. Шолохова многие из этих оценок уточнило или опровергло.

Отметим в учебнике отсутствие системы вопросов и заданий, которые могли бы оказать помощь учителю в реализации основных целей обучения: образовательной, воспитательной, развивающей; отсутствие ориентации на обучение способам деятельности учеников, тем рефератов, докладов, сочинений, т.е. тех методических средств, в которых, бесспорно, нуждался педагог, впервые приступая к изучению творчества будущего лауреата государственных и Нобелевской премий.

Отзывы об учебнике Л.М. Поляк и Е.Б. Тагера содержатся в методических изданиях того времени. В.К. Гречишников («Русский язык в школе», 1938, № 4) считает: «Глава о Михаиле Шолохове — одна из наименее удачных». В языке учебника подмечены газетные штампы, неточности («Беспощадную борьбу против гуманизма — надо думать, не гуманизма вообще, а буржуазного гуманизма, — замечает В. Гречишников, — выгодного только врагам... ведет Шолохов в "Поднятой целине"»). В отзыве одним из главных недостатков учебника признается отсутствие биографий писателей. Всё это требует от учителя внести существенные коррективы в учебник, — заключает автор.

С 1940 г. те же авторы издают учебник под названием «Литература XX века», который в «Семинарии» оценивается положительно: «Впервые была дана обстоятельная биографическая справка о Шолохове, применительно к школьной программе прослежен творческий путь писателя, особое внимание уделено анализу "Поднятой целины" и художественному мастерству Шолохова. Авторы учебника не только обобщили современные им взгляды на творчество писателя, но и внесли в свою работу немало ценных и интересных наблюдений, убедительно

показав высокое мастерство писателя» [Абрамов, Гура, с. 48–49]. Подчеркнув совпадение позиций авторов в анализе главных произведений писателя, изданных к тому времени, с оценками в литературоведении 30-х – 40-х гг., обратим внимание на неточности в издании учебника 1941 г.: мать писателя считается казачкой; хутор Татарский упорно называется станицей; первой публикацией М.А. Шолохова назван рассказ «Жеребёнок».

В вузе до Великой Отечественной войны использовались работы В. Гоффеншефера («Михаил Шолохов. Критический очерк». М., 1940), И. Лежнева («Михаил Шолохов. Критико-биографический очерк». М., 1941), материалы литературно-критического сборника «Михаил Шолохов», изданного в 1940 г. в Ростове-на-Дону.

За творчеством писателя-земляка литературные критики и педагоги Ростовского государственного университета следили и позже. Сборник публицистических статей «М.А. Шолохов. Слово о Родине». Ростов-на-Дону, 1951 г. открывала статья доцента РГУ Артемия Георгиевича Костанова «О публицистике М.А. Шолохова». Это была одна из первых попыток охарактеризовать идейно-художественные особенности публицистики Шолохова. Как студентка университета этих лет, автор настоящей статьи свидетельствует о глубоком интересе в вузе к личности и творчеству М.А. Шолохова. В лекциях «Русская советская литература» (вводный и основной курсы), которые читал А.Г. Костанов, запомнились обращения к роману "Тихий Дон", противоречивые суждения критиков о главном герое, диспут, который прошел в переполненной, самой большой университетской аудитории на тему «Коммунисты в романе «Тихий Дон». В университете было много студентов-фронтовиков, споры были горячими и впервые родили мысль о радости открытия неизвестного. Тем более факт особого внимания в вузе к «Тихому Дону» удивителен, что в «Семинарии» (1958 г.) утверждается: «...ответа на вопрос, какова роль "Тихого Дона" в литературном движении двадцатых и тридцатых годов, в чем значение шолоховского романа в развитии советского эпоса, мы не находим, т.к. "Тихий Дон" по существу изъят из литературного процесса» [Абрамов, Гура, с. 127].

Вышедшие после войны работы Лукина, Лежнева, Кирпотина помогли преодолеть ошибочную тенденцию в освещении «Тихого Дона», когда всё идейное богатство «Тихого Дона» сводилось к судьбе Григория Мелехова – трагической личности, оторвавшейся от народа, а народ ни разу не был объектом специального исследования. Лукин характеризует «Тихий Дон» прежде всего как широкое полотно о судьбах народа, о его сложном и трудном пути.

Целый ряд материалов, опубликованных в 50-е гг. в «Учёных записках» и профильных журналах, посвящен вопросам языка и стиля Шолохова.

Логично рассматривать эти публикации как результат исследовательской деятельности вузовских педагогов, который находил отраже-

ние в учебном процессе. В свою очередь выступления ученых в методических журналах «Русский язык в школе», «Литература в школе» характеризуют состояние изучения жизни и творчества М.А. Шолохова в средней школе.

В школьном учебнике А. Дементьева, Е. Наумова, Л. Плоткина «Русская советская литература» (М.; Л., 1953) тема «Михаил Александрович Шолохов» представлена достаточно широко, включая общую оценку писателя, его краткую биографию, основные черты творчества, характеристику «Донских рассказов», анализ романа «Тихий Дон» с передачей развития сюжета в каждой из четырех книг, характеристикой Григория Мелехова и Аксиньи, а также образов большевиков; дан достаточно полный анализ «Поднятой целины» (общая характеристика романа, образы Давыдова, Разметнова и Нагульнова, Кондрата Майданникова, разоблачение классовых врагов, идейное значение романа, роман как произведение социалистического реализма, пейзаж в произведениях Шолохова, язык произведений).

К этому времени (1953) романы М.А. Шолохова были напечатаны на пятидесяти пяти языках тиражом почти 19 миллионов экземпляров. В учебнике А. Дементьева и др. указаны годы начала литературной деятельности писателя (1923), выхода в свет первой книги – «Донские рассказы» (1926), начала работы (1926) и публикация романа «Тихий Дон» (1928 – первая книга, 1929 – вторая, 1933 – третья, 1940 – четвертая). «Работа над "Тихим Доном", – свидетельствуют авторы, – потребовала от писателя разносторонних знаний и больших усилий. Он много читал, работал в архивах Москвы и Ростова, разъезжал по станицам, записывая рассказы стариков и народные песни. Каждая глава романа перерабатывалась, если нужно было, несколько раз» [Дементьев и др., с. 273].

В учебнике прослежен дальнейший творческий путь Шолохова: появление первой книги «Поднятой целины» в 1932 г., в годы Великой Отечественной войны выход очерков и рассказа «Наука ненависти» (1942), отдельных глав нового романа «Они сражались за Родину» (1943–1944 гг.).

Основная тема «Донских рассказов» определена как классовая борьба на Дону, «главным образом в узких пределах казачьей семьи».

Анализируя роман «Тихий Дон», А. Дементьев, Е. Наумов, Л. Плоткин характеризуют особенности казачества, его привилегии, враждебные отношения с «иногородними», проявление чувства социального превосходства. Григорий Мелехов назван выразителем «настроений колеблющихся, промежуточных социальных сил». Отмечая в его характере отвагу, прямоту, смелость, сложные душевные переживания, страстное стремление к правде, Шолохов, по мнению авторов учебника, «резко и открыто осуждает Григория, подчеркивает всю гибельность его поведения, всю несостоятельность его жизненного пути... Его падение, тупик, в котором он оказался, и полный душевный крах – справедливое возмездие за разрыв с народом, с великой правдой революции...

В заключительных сценах романа Шолохов обнажает страшную опустошенность своего героя...» [с. 279].

Уделено внимание «мастерски написанному» образу Аксиньи, подчеркнута мысль о том, что мировая литература не знает другого произведения, где бы «с таким проникновением был раскрыт внутренний мир крестьянки, простой женщины из народа» [с. 279], которая «в буквальном смысле становится жертвой роковых и преступных ошибок Мелехова» [с. 280].

Роль большевиков в романе оценивается авторами учебника как неустанных борцов «за политическое просвещение масс, за революционное воспитание народа». Подробнее говорится о судьбе Михаила Кошевого, который противопоставлен Григорию Мелехову: «Если в Григории Мелехове выражена губительная власть собственнических и сословно-реакционных предрассудков казачества, то в Кошевом, напротив, воплощены здоровые революционные, демократические начала» [с. 280].

Приступая к рассмотрению романа «Поднятая целина», который к 1953 г. был известен лишь первой книгой, авторы учебника находят общее с «Тихим Доном»: романы о донском казачестве, об исторических судьбах народных масс. Различие – внимание к новому этапу развития страны, к процессу строительства социализма в деревне.

Классовая борьба раскрыта иначе, чем в романе «Тихий Дон»: внимание отдано не колеблющемуся герою, а столкновению двух лагерей – «лагеря социализма и лагеря помещичье-буржуазной кулацкой контрреволюции». Давыдов и Половцев – крайние полюсы в драматической борьбе за создание коллективного хозяйства.

Основное внимание уделено анализу образов героев-коммунистов. Двадцатипятилетний Давыдов обнаруживает политическую закалку, принципиальность, умение говорить с людьми. Он – организатор и руководитель народных масс, сознаёт цели коммунистического строительства, беспощаден к врагам, умеет честно признавать ошибки и исправлять их. Воздействует на казаков словом и личным примером. Воспитывает и своих единомышленников – Разметнова, Нагульнова, дает принципиальную оценку поведению своего начальника – секретаря райкома партии. Мужественно ведет себя в сцене «бабьего бунта», прощает несознательных, живет светлой мечтой о будущем, таким образом проявляя типичные черты характера коммуниста.

Председатель сельсовета Андрей Разметнов – искренний, преданный революции коммунист, но недостаточно политически грамотен, что приводит к ошибкам.

Более сложная фигура – секретарь гремяченской партиячейки Маркар Нагульнов: «Он активный участник гражданской войны и кровью своей отстаивал власть Советов. Ему в высокой степени присущ революционный энтузиазм, им владеют мечты о мировой революции, о победе и торжестве народа на всем земном шаре. Он ненавидит лютой ненавистью врагов народа. Одна из ярких особенностей Нагульнова –

его неискоренимое отвращение к собственности и к собственническому миру. Именно поэтому он с восторгом относится к идее коллективизации» [с. 287]. Но Шолохов показывает и качества Нагульнова, достойные осуждения: безрассудную страсть, под влиянием которой он совершает многие поступки, приводящие к тяжелым ошибкам, использование методов принуждения и угрозы вместо терпеливого разъяснения казакам преимуществ колхозной жизни, неумение предвидеть результаты своей деятельности. Однако «в огне классовых боёв деревенские коммунисты преодолевают ошибки и превращаются в действительных руководителей крестьянских масс» [с. 288].

В романе «Поднятая целина» настроение крестьянства передано через многочисленные массовые сцены (собрания, «бабий бунт», раскулачивание, полевые работы), а также через развернутые образы бедняков и середняков. Центральное место среди них занимает образ Кондрата Майданникова, в судьбе которого отразились изменения, происшедшие в казачьей среде: если его отец в бытность на действительной военной службе вместе со своей сотней порол плетью и рубил шашкой рабочих, защищая фабрикантов, Кондрат рубил белополяков и врангелевцев, защищая «свою Советскую власть».

Ожесточенная классовая борьба в романе изображена в противостоянии народных масс во главе с Давыдовым и кучки «преступных отщепенцев, злых врагов народа, внутренне опустошенных и обреченных на разгром и гибель... Их вожак и вдохновитель – матёрый палач, шпион и убийца Половцев» [с. 290]. К лагерю врагов принадлежит кулак, в прошлом красногвардеец Тит Бородин, «в котором кулацкая сущность выражена почти с плакатной резкостью» и замаскированный, изворотливый враг, стремящийся взорвать колхоз изнутри – Яков Островнов, вместе с Половцевым активно готовящий кулацкое восстание.

Подчеркнем более четкую характеристику авторами учебника социальной направленности образа Островнова в отличие от трактовки Л.М. Поляк и Е.Б. Тагера.

Школьный учебник А.Г. Дементьева и др. 1953 г. отводит место определению идейного содержания романа «Поднятая целина», заключающегося в провозглашении «исторической неизбежности и закономерности победы социализма и утверждения направляющей роли Коммунистической партии в социалистическом преобразовании деревни» [с. 294]. В соответствии с идеологическими требованиями времени «Поднятая целина» трактуется как выдающееся произведение социалистического реализма: в книге воссоздана правдивая, исторически конкретная картина ликвидации старого и возникновения нового строя в деревне; жизнь показана в её революционном развитии; раскрыта вдохновляющая и руководящая роль партии; передана устремленность в будущее. Художественное мастерство (проявление социально типичного в индивидуально своеобразной форме, мастерство портрета, искусство эпической композиции, сочетание сцен личной жизни, бы-

товых зарисовок, документальных материалов, в частности, — статей и выступлений И.В. Сталина, введение точной хронологии) сообщает роману «Поднятая целина» характер исторического повествования.

Функция пейзажа в «Поднятой целине» — показ движения времени параллельно с благотворными переменами в жизни героев.

Язык произведений Шолохова характеризуется как единое целое художественного мастерства писателя. Среди особенностей выделены народность, обращение к фольклорным источникам, особенно к казачьему народному творчеству, песни, пословицы, поговорки, присловья, анекдоты и др., что служит поэтическим комментарием к бурным и драматическим событиям и создаёт «контраст между былой славой казачьих предков и позорным настоящим белоказаков, поднявших оружие против русского народа и потерпевших поражение» [с. 299]. Юмор характеризуется как важная составляющая художественного метода М. Шолохова.

Выделяя основные черты творчества Шолохова, авторы школьного учебника 1953 г. называют яркое изображение жизни донского казачества, что отнюдь не превращает писателя в «областнического», поскольку на этом материале раскрыты процессы большого исторического значения; стремление художественно запечатлеть этапные периоды в жизни страны (гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная война); монументальность, эпическую широту изображения; неприязнь к идеализации действительности как существенную особенность творческого метода Шолохова.

Определяя в заключение роль Шолохова в отечественном и мировом литературном процессе, А. Дементьев, Е. Наумов, Л. Плоткин выражают бытовавшую в литературоведении в 50–60-е гг. XX в. точку зрения: «Шолохов принадлежит к писателям, составляющим гордость советской литературы. Его "Тихий Дон" — одно из наиболее выдающихся произведений о гражданской войне, а "Поднятая целина" — лучшее произведение о коллективизации. Шолохов — один из самых выдающихся представителей советской литературы, знаменитый писатель нашего времени. Его романы "Тихий Дон" и "Поднятая целина" переведены на многие иностранные языки и оказывают плодотворное влияние на развитие передовой реалистической литературы во всем мире» [с. 301].

В этих оценках повторено высказывание И.В. Сталина («знаменитый»), снижена ценность романа «Тихий Дон» («одно из наиболее выдающихся») и ограничена его тематика (только о гражданской войне?), наконец, указана, но не раскрыта «плодотворность» влияния на мировую реалистическую литературу (до настоящего времени эта проблема не стала предметом самостоятельного научного исследования). Отметим, как и в прежнем школьном учебнике (1935 г.), отсутствие чисто методической части (вопросов и заданий рецептивного, развивающего, творческого характера; тем сочинений; рекомендаций по дополнительной литературе и для заучивания наизусть и т.д.). Эту часть

работы, рассчитанную на учителя, брала на себя специальная методическая литература («Указания», «Рекомендации», позже – «Система уроков» для отдельных классов, а также профессиональные методические журналы «Русский язык в школе», «Литература в школе»).

Книга В.В. Гуры («Жизнь и творчество М.А.Шолохова» М., 1955), изданная как пособие для учителей средней школы, восполняла методическое несовершенство учебников. В соответствии со школьной программой тех лет в книге отсутствовал анализ творчества Шолохова в годы войны и в послевоенный период, бегло говорилось о ранних произведениях, освещалась проблематика и художественные особенности «Тихого Дона».

Первые три главы посвящены жизни и деятельности до начала работы над «Тихим Доном», содержат новый для того времени материал о родителях писателя, годах учебы и первых литературных опытах Шолохова.

В главе «Донские рассказы», «Лазоревая степь» сделана попытка определения традиций, на которые опирался писатель в изображении казачьей жизни (Чехов, Тренев, Серафимович). Отдельная глава посвящена работе Шолохова над романами: замысел «Тихого Дона», его изменение, широкое эпическое полотно о судьбах русского народа, история сбора и освоения материала, изучение быта, нравов казачества, работа над сюжетом, композицией, прототипы основных персонажей, история появления в печати. В творческой истории «Поднятой целины» показана роль партийных документов по вопросам коллективизации, которые помогли писателю осмыслить сущность преобразований в деревне и оформить идейно-композиционную структуру произведения. Приведены новые факты о прототипах Половцева, Кондрата Майданникова.

В работе дана характеристика «Тихого Дона» как эпического произведения, вобравшего в себя традиции русской классики и зачинателей советской литературы и явившегося новым этапом в разработке центральной темы советской литературы – темы народа и революции. Рассмотрены некоторые особенности «Тихого Дона» как эпопеи, своеобразии сюжета, композиции, принципы и приемы изображения народа и личности, место и роль коммунистов, образ Григория, женские характеры, значение эпопеи.

Расширенным продолжением этой работы с учётом изменений в литературоведении стала вышедшая в 1986 г. книга для учителя «Шолохов в школе» / под ред. В.В. Гуры, Т.Ф. Курдюмовой, где, согласно аннотации, «представлен в соответствии с программой средней школы литературоведческий материал, методические рекомендации для изучения жизни и творчества великого советского писателя». Авторы статей – ведущие учёные и методисты В.В. Гура, Т.Ф. Курдюмова, В.М. Литвинов, А.И. Хватов, Л.С. Якушина, Д.Д. Благой, Д.Т. Чиров, И.С. Збарский, В.Я. Коровина, О.Г. Верейский, Г.А. Слаушева. Выделим статью В.В. Гуры «И художник, и историк. (К пробле-

ме историзма романа М. Шолохова "Тихий Дон"»). Среди источников историко-хроникальных описаний в романе названы оперативные карты, тактико-стратегические донесения Первой мировой войны, которыми Шолохов давал свою трактовку, своё видение ситуации. Однако эту область изображения писатель считал для себя «чужеродной», на первый план ставя «собираение воспоминаний, рассказов, фактов, деталей от живых участников» войны. Рассказ о конкретных событиях и реальных лицах требовал изучения исторических документов, исследований по истории революции и Гражданской войны. По мнению В.В. Гуры, «Шолохов, в сущности, шёл по горячим следам событий и обратился к описанию многих из них раньше историков» [Шолохов в школе, с. 34]. Но многое к началу работы над романом было уже и опубликовано. Шолохов имел возможность использовать сборники воспоминаний и документов Ростовского историко-партийного архива «Пролетарская революция на Дону», книгу народного комиссара по борьбе с контрреволюцией на юге В.А. Антонова-Овсеенко «Записи о гражданской войне», воспоминания участника подтёлковской экспедиции А. Френкеля «Орлы революции». Важным фактором были собственные впечатления.

Писатель, не ограничиваясь историко-хроникальным описанием событий с открытыми авторскими оценками, реальные конфликты выражал прежде всего в людских судьбах, характерах, массовых сценах участия народов в революционной борьбе и гражданской войне. Подлинный историзм присутствует в характере Григория Мелехова, поскольку его индивидуальная судьба «во многом неотделима от судьбы народной на переломе истории»; «Тихий Дон» оценивается как «исторически верная, величайшая эпопея нашего времени» [Там же, с. 49]. Шолохов раскрывал судьбу Григория Мелехова как типическую судьбу человека из народа, утверждает критик.

В высшей школе в 50–60-е гг. использовались труды, созданные учеными АН СССР и Института русской литературы [Пушкинский дом] – «История русской литературы. Т. 1 – 10», М.; Л., 1941–1956 и учёными АН СССР и ИМЛИ им. А.М.Горького – «Очерк истории русской советской литературы. Ч. I – II» М., 1954–1955.

Программы по курсам литературы создавались учёными ведущих вузов (чаще всего МГУ) и распространялись по стране. Там же появлялись в форме «Курсов лекций», «Очерков» учебные пособия, доходившие до периферийных вузов. То и другое основывалось на академических публикациях, что исключало разногласия в оценках.

Соблюдая заявленную логику, охарактеризуем монографическую тему «М.А. Шолохов» в академическом издании под ред. А.Г. Дементьева, до этого принимавшего участие в создании школьного учебника 1953 г. и самостоятельно опубликовавшего учебник для 10 кл. в 1959 г.

«История русской советской литературы. 1917–1965» в 4 томах, являясь трудом монументальным, большое место уделяет теме

«М.А. Шолохов» (IV том, М., 1971). Не являясь напрямую адресованным вузам, труд Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, выпущенный тиражом 61000 экземпляров, использовался для подготовки филологов и учителей-словесников в университетах и педагогических институтах страны. Несмотря на достаточную идеологизированность, часто входящую в противоречие с научностью, в нем содержатся факты и оценки, основанные на материалах исследований, которые позже будут использованы в шолоховедении как доказательный или дискуссионный материал.

В монографической теме «М.А. Шолохов» дана общая оценка писателя («Замечательное явление нашей литературы»); подчеркнута внимание Шолохова к историческому процессу, определяемому «течением народной жизни»; к показу развития в обществе или в судьбе одного человека через преодоление препятствий; продолжение и преобразование писателем традиций классической литературы; развитие жанрового многообразия.

«Донские рассказы» рассматриваются как проявление бытописательства, хотя и подчеркивается их принципиальное значение в постановке актуальных задач для всей литературы того времени, в частности изображение воинствующего гуманизма.

Много страниц отведено анализу романа «Тихий Дон», который рассматривается как «широкое эпическое полотно, повествующее о движении народа к новой жизни, о сдвигах всемирно-исторического значения в его сознании и психологии, в его быту и нравах, происшедших на протяжении десятилетия переломной эпохи. Человек с раздвоенным сознанием, обуреваемый противоречивыми чувствами, находится в центре этого повествования» [История русской советской ..., Т. 4, с. 181].

Образ Григория Мелехова характеризуется очень жёстко: «...если рассмотреть шолоховского героя со всех сторон... окажется, что не с одной стороны историческая ошибка, а с другой отщепенство, а со всех сторон, при любом переплетении общего и личного в герое, для всех этапов его жизненного пути, до финала включительно, его трагедия есть трагедия заблуждения» [Там же, с. 196].

Не менее жёстко и другое утверждение: «...историческая трагедия казачества воплощена в образе Григория Мелехова, в образах Аксины, Христовны и всей семьи Мелеховых. Все лучшее, что связывало их с народом, рассеивается прахом, они противостоят трудовому казачеству... Гибнет семья Мелеховых, а вместе с ней и уклад жизни, их вскормивший, разбит социалистической революцией» [с. 200]. В то же время авторы академического издания высказывают новое мнение: «...образ Григория Мелехова как *типической личности* как бы концентрирует в себе основной исторический и идейный конфликт произведения» (выделено нами. — В.Ж.) [с. 183]. «Герой Шолохова предстает перед нами как личность яркая и сильная... Ему присущи черты борца за человеческое счастье, у него нет решительно ничего от

пассивного созерцателя. Не это ли активное начало в натуре Григория имел в виду Шолохов, когда говорил «об очаровании человека в Григории Мелехове» [с. 184].

В академическом издании передано содержание всех восьми частей «Тихого Дона». Конфликт первой части характеризуется как семейно-бытовой, второй — параллельно с семейно-бытовым — между «мужиком» и казачьей стариной, обнаруживающей казачью сословную спесь и ненависть к «иногородним»; в третьей части, завершающей первую книгу «Тихого Дона», главное событие — захватническая империалистическая война и участие в ней фронтового казачества. Бытовые и семейные сцены чередуются с батальными эпизодами, внимание автора обращено на изменения бытового и семейного уклада.

Со второй книги (четвертая часть) развитие событий убыстряется, автор вплотную подходит к теме народа и человека в революции. Высшего напряжения роман достигает в показе борьбы с Калединым (пятая часть) и в изображении Вешенского восстания и его разгрома (шестая часть). В «Тихом Доне» великое множество эпизодических сцен, мало связанных с главной темой, но вытекающих из необходимости охватить реальность во всей полноте. Как говорится в «Истории русской советской литературы» (т. IV), «лирические описания, развернутые диалоги, дневники, письма, приказы, исторические документы, многообразие действующих лиц, главных и эпизодических — все это художественно выражает основную цель романа: люди, трудящиеся массы, народ не могут жить так, как они жили в старой России, они совершают под руководством Коммунистической партии революцию во имя великой цели — построения коммунистического общества» [с. 190]. Роман «Поднятая целина» (I книга) рассмотрен без существенных изменений по сравнению со школьным учебником 1953 г. Добавлен материал анализа второй книги.

На рубеже 1956—1957 гг. в «Правде» публикуется рассказ М.А. Шолохова «Судьба человека», оцененный в академическом издании как этапное произведение в развитии «военной прозы», как произведение концептуального и художественного новаторства писателя в выборе героя, в изображении человека на войне и открытии той жанровой формы, которую условно можно назвать «рассказ-эпопея» (Л. Якименко).

В 70—80-е гг. XX в. появились вузовские учебники «История русской советской литературы», среди которых широко известны под ред. профессора П.С. Выходцева (1970, 1974 гг., коллектив ученых ЛГУ и Пушкинского дома) и учебник Л.Ф. Ершова (1982, 1988 гг.), оснащенные богатой библиографией, именными указателями, частично методическими советами. Анализ творчества М.А. Шолохова посвящены в них монографические главы и дана общая характеристика в главах обзорных (раздел «Проза»).

90-е гг. XX века принесли перемены в общественную жизнь, что сказалось и на пересмотре прежних оценок в литературе.

«Очерки истории русской литературы XX века» (вып. 1. М., 1995) представлены как «в основном уже завершённые монографические главы для нового учебника по русской литературе 1920 – 1990-х годов, подготовленного кафедрой истории русской литературы XX века МГУ им. М.В. Ломоносова» [с. 3]. Аннотация: «В настоящем издании предпринята попытка заново взглянуть на творчество таких писателей, как М. Горький, М. Шолохов, М. Пришвин, В. Шукшин, Ф. Абрамов, В. Астафьев, В. Распутин; показать противоречивость их художественного мира, раскрыть неизвестные раньше стороны их представлений о жизни и человеке».

Автор главы о М.А. Шолохове В.Н. Хабин высоко оценивает писателя, в эпосе которого «нашёл масштабное и многообразное отражение путь, пройденный русским народом от 10-х до 50-х годов двадцатого столетия» [с. 34]. Признаётся, что художественное мышление Шолохова «не менее сложное и утончённое, чем в прозе, которую называют интеллектуальной, философской. Только в данном случае писатель «мыслит сердцем и чувствует головой» [с. 35]. Отмечается, что характеры Григория Мелехова и Андрея Соколова «с ярко выраженными свойствами русских людей запечатлелись в духовной памяти человечества как уникальные типы времени» [Там же].

Достаточно подробно анализируются «Донские рассказы», в которых преобладающей считается тема «порушенных войной – коловоротью семейных отношений» и прежде всего коллизия «разрыва связи между отцом-хозяином и сыном как продолжателем его рода, его дела» [с. 41]. Мотив «отец—сын» в известной нравственно-философской значимости назван в творчестве Шолохова одним из самых примечательных. Утверждается, что рассказы 1923–1927 гг. были не только пробой пера, но и «заметным вкладом в литературу о послеоктябрьской действительности», отчётливо высветив «особенности художественного мира писателя, своеобразие системы средств его воссоздания» [с. 42]. Автор очерка приходит к выводу: «В донских рассказах заключены первоначальные наброски того, что затем откликнется в романах Шолохова» [с. 43].

В.Н. Хабин пишет о «Тихом Доне» как воплощении замысла писателя «показать казачество в революции»: «Ни на что оно не было похоже, став одним из самых значительных явлений мировой романистики» [с. 45]. Признавая Григория главным героем не романа, а романа-эпопеи, автор видел не обычную романную зависимость – Григорий и другие, а судьбу народную – судьбу человеческую: «Судьба важная, сложная, трагическая, но одна из многих. И не только она и жизнь одной семьи... но вся историческая судьба донского казачества на переломных этапах жизни всей нации, всего народа» [с. 49]. Показав широко и разнолико казачество в революции, к концу романа Шолохов «сосредоточивает наше внимание на столь же характерном, сколь и исключительном. Пережив разную вину, изведав разную беду, Григорий Мелехов остаётся честным, совестливым русским челове-

ком – казаком, крестьянином, работником» [Там же]. По сравнению с предшествовавшими позициями в шолоховедении приведённый подход был нов.

Григорию противопоставляется «стопроцентно красный» Михаил Кошевой, один из тех, кого в школьных учебниках и вузовских курсах литературы называли до 90–х гг. принципиальным коммунистом, человеком долга, борцом за лучшую жизнь для народа. В рассматриваемых «Очерках» ему дается иная оценка: «Торжествующий честолюбец из бедняков, злодей и убийца, мститель и доносчик – доносчик, конечно, из "классовых соображений", движимый "долгом перед революцией" [с. 49–50].

Роман «Тихий Дон» автор очерка оценивает высоко: он назван одним «из самых великих романов о любви», Григорий Мелехов – «одним из мировых типов XX века», что говорило «не только об уникальности дарования его создателя, но и о могущественном потенциале отечественной литературы» [с. 52]. В полном согласии с авторским отношением к роману приведена мотивировка Шведской академии о присуждении М.А. Шолохову в 1965 г. Нобелевской премии: за «художественную силу и правдивость, с которыми Шолохов в своей Донской эпопее изобразил историческую эпоху в жизни русского народа».

Из очерка В.Н. Хабина можно узнать об истории полемики вокруг авторства романа «Тихий Дон», начиная с 1928 г. Рассматриваются вышедшие в Париже в 1974 г. «Стремя "Тихого Дона" (Загадки романа)» И.Н. Медведевой-Томашевской (псевдоним Д*), а в 1975 г. – книга историка Р.А. Медведева «Куда течёт "Тихий Дон"». В 1984 г. на книгу «Стремя "Тихого Дона"» ответили норвежские учёные, специалисты по математической лингвистике, во главе со славистом Гейром Хьетсо: «...единственным автором "Тихого Дона" следует считать Михаила Шолохова» «до тех пор, пока не будет доказано обратное» [с. 55]. Упомянуты работы «"Тихий Дон" против Шолохова» (Барселла Зеев), «К истокам "Тихого Дона"» (А.Г. Макаров, С.Э. Макарова), статьи «Судьба романа» (М. Мезенцев), «Если бы "Тихий Дон" вышел анонимно» (Р. Медведев).

В очерке В.Н. Хабина изложена история создания романа «Поднятая целина». Замысел обозначен словами писателя – «события, происшедшие в деревне и коренным образом перевернувшие её: ликвидация кулачества как класса, сплошная коллективизация, массовое движение крестьянства в колхозы». При создании первой книги «автором "Поднятой целины" владел пафос веры в преобразующую силу именно той коллективизации, какую он пережил» [с. 62–63]. Говоря о названии романа, автор очерка продолжает: «Можно с уверенностью предполагать, что обозначением завершенности сложнейшего социально-экономического и нравственно-психологического процесса («поднятая») писатель хотел выразить и свой пафос веры в благоую силу переворота, преобразовавшего весь уклад крестьянской жизни, и трудность этого процесса» [с. 63].

Завершая вторую книгу в конце 50-х гг., М.А. Шолохов уже знал о трагедии крестьянства, но вынужден был показывать давнее, как происходящее «сегодня». Вера в силу идеи «помешала Шолохову – романисту открыть... правду голода и репрессий, с которыми... мужественно боролся Шолохов – общественник, коммунист» (Там же). Впечатление, что вторая книга «похожа» на первую, уходит при внимательном чтении: «она перестаёт быть тем цельным художественным миром, какой открывался перед нами по прочтении первой книги» [с. 62].

Автор очерка о М.А. Шолохове видит недостатки второй книги в «сделанных натужно» однотипных главах о принятии в партию Дубцова, Майданникова, Бесхлебного и Шалого; в обилии курьёзных речей Щукаря и часто бессодержательных диалогов; в немотивированном отсутствии внимания хуторян и властей к деятельности троицы классовых врагов (Половцев, Лятевский, Островнов); в авторской заданности при изображении секретаря райкома Нестеренко.

Оценивая вторую книгу, В.Н. Хабин отмечает наличие впечатляющих монологов, приоткрывающих завесу над судьбами некоторых гремевцев, очерково-репортажную злободневность конца 50-х гг., «и почти везде, увы, проступает остов схемы: тезис, иллюстрация, выводы» [с. 76].

Используя текст обеих книг, В.Н. Хабин анализирует характеры врагов, из которых «одна из самых интересных фигур» – несостоявшийся из-за революции богач Островнов, и характеры противостоящих врагам коммунистов, среди которых выделяется Нагульнов. Даже стремление писателя во второй книге «смягчить» поведение героя «не нарушило правды характера» [с. 72]. Давыдов «не получился столь же интересным, психологически убедительным» [с. 75].

Разделяя впечатления от первой и второй книг «Поднятой целины», автор очерка считает, что в первой книге М.А. Шолохову «удалось творчески вжиться в свой замысел – художественски овладеть ситуацией, совершать «тайнства» преображения, проникаясь жизнью душ своих героев. Принимаясь более чем через двадцать лет за вторую книгу, так органично и так вездесуще снова он этого сделать не смог. То, что ему, творцу, казалось новым вживанием, было на самом деле лишь беллетризацией замысла. Уровня первой книги достигли лишь те сцены, которые, очевидно, прорисовывались в воображении художника много раньше» [с. 81].

В публицистике М.А. Шолохова выделены зарисовка «Военнопленные» и рассказ «Наука ненависти», имевший мобилизующее значение в жестоком 1942 г.

Отражены ступени работы над романом «Они сражались за Родину», задуманном как трилогия, но сохранившемся как главы из романа в двухстах книжных страницах.

Последнее законченное произведение «Судьба человека» имело исключительный успех, по мнению В.Н. Хабина, в силу того, что Шо-

лохов «не следует "указанию свыше" об обязательном доминировании героического начала при изображении советского человека на войне... Идя только от природы и судьбы своего героя, только от обстоятельств... он исподволь обнаруживает в нём нетленный потенциал мужества», проявляющегося «непрерывно как следствие органически честного отношения к жизни, людям, воинскому долгу и строгого нравственного спроса с самого себя» [с. 86].

Определив творческий путь Шолохова-художника с начала («Родинка») до конца («Судьба человека»), а посередине между стартом и финишем, в апогее художественного развития писателя упомянув «всечеловеческую мысль» «Тихого Дона», В.Н. Хабин пришёл к выводу о силе беспощадной правды творчества выдающегося реалиста.

Литература

- Абрамов Ф.А., Гура В.В.* М.А. Шолохов: семинарий. Л., 1958.
- Гоффеншефер В.* Михаил Шолохов: критический очерк. М., 1940.
- Гура В.В.* Жизнь и творчество М.А. Шолохова: пособие для учителей. М., 1955.
- Дементьев А., Наумов Е., Плоткин Л.* Русская советская литература: учебник для учащихся средней школы. М.; Л., 1953.
- Ершов Л.Ф.* История русской советской литературы: учеб. пособие для филол. факультетов педагогических вузов. М., 1982, 1988.
- История русской советской литературы / под ред. проф. П.С. Выходцева: учеб. пособие для студентов филол. факультетов университетов и пединститутов. М., 1970, 1974.
- История русской литературы: т. 1 – 2. М.; Л., 1941 – 1956.
- История русской литературы XX века (20–90-е годы). Основные имена: учеб. пособие для филол. факультетов университетов. М., 1998.
- История русской советской литературы. 1917 – 1965: в 4 т. Т. 4. М., 1971.
- Лежнев И.* Михаил Шолохов: критико-биографический очерк. М., 1941.
- М.А. Шолохов. Слово о Родине. Ростов н/Д., 1951.
- Очерк истории русской советской литературы: ч. 1 – 2. М., 1954 – 1955.
- Очерки истории русской литературы XX века: вып. 1. М., 1995.
- Поляк Л.М., Тагер Е.Б.* Современная литература: учебник для 10-го класса средней школы: 2-е изд. М., 1935.
- Поляк Л.М., Тагер Е.Б.* Литература XX века: учебник для 10-го класса средней школы; 2-е изд. М., 1941.
- Шолохов в школе: книга для учителя / под ред. В.В. Гуры, Т.Ф. Курдюмовой. М., 1986.

Программы по изучению литературы в школе и вузе

Программы общеобразовательных учреждений. Литература. 5–11 кл. / под ред. А.Г.Кутузова, Г.И.Беленького. М., 1995.

Программы лекционных курсов: «История русской литературы XX века», «Актуальные проблемы современной русской литературы» и др., подготовленные кафедрой истории русской литературы XX века филологического фа-

культета МГУ им. М.В.Ломоносова / редактор курсов проф. Б.С.Бугров. М., 1997.

Программы общеобразовательных учебных заведений в РФ. Литература. Средняя школа / составитель Т.А.Калганова; под ред. Т.Ф. Курдюмовой. М., 1994 (Программа для 9 класса основной школы, разработанная лабораторией литературного образования Института общего образования МО РФ; программа по литературе. 9 класс основной школы, разработанная лабораторией литературного образования Института общеобразовательной школы РАО).

Литература: программа общеобразовательных учреждений. 5–11 кл. / Т.Ф. Курдюмова, Н.А.Демидова, Е.Н.Колокольцев и др.; под ред. Т.Ф. Курдюмовой. М., 2007.

Агеносов В.В., Архангельский А.Н. Русская литература XIX – XX веков: программа для общеобразовательных учреждений. 10–11 классы. Базовый уровень. М., 2007.

Программы общеобразовательных учреждений. Литература. 5–11 классы (Базовый уровень). 10–11 классы (Профильный уровень) / под ред. В.Я. Коровиной: 9-е изд. М., 2007.

Сайт Педагогического института ЮФУ / Шолоховский центр кафедры литературы и методики преподавания.